

УДК 811.511.131'27

Л. Л. Карпова

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИНТАГМАТИКИ
В НИЖНЕЧЕПЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматривается ряд особенностей фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка. Особое внимание уделяется явлениям, общим для говоров нижнечепецкого диалекта, с одной стороны, и / или имеющим ограниченное распространение в группе исследуемых говоров, с другой. Рассматриваются характерные явления в системе вокализма и консонантизма, анализируются наиболее типичные для говоров звуковые изменения и процессы. Из фонетических особенностей отмечены различные виды ассимилятивных явлений гласных и согласных, выпадение звуков, аффрикатизация, озвончение и др. Также выявляется территориальная распространенность диалектных модификаций фонетической синтагматики. Последовательно сравниваются языковые факты нижнечепецких говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров. Приведенные данные показывают, что ведущие фонетические особенности нижнечепецкого диалекта наиболее сближают его со среднечепецкими говорами севернoudмуртского наречия.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектная фонетика, северные диалекты, нижнечепецкий диалект, фонетическая синтагматика, диалектные модификации.

До настоящего времени в специальной лингвистической литературе не было достаточного научного освещения севернoudмуртских говоров, занимающих крайнюю северо-западную территорию удмуртского языкового пространства. В удмуртской диалектологии их принято называть нижнечепецкими говорами (или нижнечепецким диалектом) [54. С. 156; 29. С. 42; 6. С. 42]. Носителями их являются удмурты, проживающие отдельными островками в массе русских селений в Слободском, Зуевском, Унинском, Фаленском и Богородском р-нах Кировской обл. Нижнечепецкие говоры исследованы эпизодически и в разной степени. Некоторые сведения о них представлены в работах финского ученого Ю. Вихманна [62; 63]. Во время поездки к удмуртам в 1891 г. он побывал также в селениях Омсино и Круглово Слободского р-на. Впоследствии диалектные материалы, записанные им от слободских удмуртов, вошли в текстовые и лекси-

кографические публикации ученого. Образцы речи по д. Нижнее Мочагино Слободского р-на содержатся в книге Б. Мункачи «*Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*» [60. С. XIII, 128–129, 532, 598–599] в виде записей от военнопленного Дмитрия Балтачева. Отметим, что слободской диалект впервые был выделен этим исследователем (а до того в научной литературе не фигурировал). Т. К. Борисов при дроблении удмуртского диалектного языка рассматривает нижнечепецкие говоры («*улланьёс*») как один из говоров северного наречия. Не останавливаясь на описании языковых особенностей, ученый ограничивается указанием в выделенных им двух северноудмуртских говорах (верхнечепецком и нижнечепецком) на различное произношение глаголов, например: вч. *адззыны* ‘видеть’, *кудззыны* ‘опьянеть’; нч. *адзыны*, *кудзыны* [9. С. VIII]. Значительный материал о языке нижнечепецких удмуртов представлен в работе Т. И. Тепляшиной «Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия» [54. С. 156–196], где дается также список населенных пунктов проживания удмуртского населения. Анализ языкового материала приводит автора к выводу, что нижнечепецкие говоры, имея своеобразную систему диалектных отличий, по своим наиболее характерным особенностям входят в группу северноудмуртских диалектов. По мнению ученого, абсолютное большинство специфических черт наблюдается в лексическом составе этих говоров. Учитывая, что Т. И. Тепляшина говоры обследовала около полувека назад, работа ее имеет большое значение для сравнительного анализа динамики изменений указанных говоров в свете сегодняшних достижений удмуртской диалектологии. Некоторые данные, касающиеся частично лексических, морфологических и фонетических особенностей слободского говора нижнечепецкого диалекта, отражены в работах Г. А. Архипова [1. С. 84–92; 2. С. 162–168; 3. С. 3–13] и Н. М. Люкиной [34. С. 152–154].

В рамках ареального изучения северноудмуртских диалектов нами принято системное обследование языка удмуртов, населяющих нижнечепецкий регион. В 2014 и 2015 гг. проведены три диалектологические экспедиции на территории их распространения в Зуевском, Унинском и Слободском р-нах Кировской обл. Собран большой корпус языкового материала, который вводится в научный оборот. При исследовании использовались различные методы и приемы сбора диалектного материала (опрос по специальному вопроснику, запись на цифровые носители бытовых разговоров, рассказов, бесед; интервьюирование), а также непосредственное наблюдение над спонтанной диалектной речью. С сожалением приходится констатировать, что в настоящее время на родном языке говорит в основном старшее, реже – среднее поколение удмуртов, а дети практически не владеют этническим языком и общаются только на русском. Ввиду проживания изолированно от основной массы удмуртского населения, а также отсутствия преподавания в школе удмуртского языка как предмета, нижнечепецкие говоры не испытывают влияния удмуртского литературного языка и развиваются по своим собственным языковым законам. В результате в их языковой системе сформировался ряд особенностей, позволяющих рассматривать их язык как самостоятельную диалектную единицу в системе северноудмуртского наречия.

По сведениям переписных материалов XVII в., нижнечепецкие удмурты еще в нач. XVII в. проживали, кроме Каринского стана Хлыновского уезда,

по верхнему течению р. Вятки в Лужановском, Холуницком и Сырьяновском станах, а также в Шестаковском уезде [16. С. 192–207]. В XVII в. они постепенно перемещались к востоку, на территорию Каринского стана. В дальнейшем под напором русской колонизации, о чем свидетельствуют многие исторические документы XVI–XVII вв. и народные предания слободских и глазовских удмуртов, большая часть нижнечепецких удмуртов ушла по р. Чепце на восток, на территорию современной Удмуртии [6. С. 64, 66]. Из многочисленного удмуртского населения на Вятке к настоящему времени удмурты сохранились в Слободском р-не, также в удмуртских поселениях по р. Косе. Косинские удмурты-ватка, по мнению исследователей, представляют собой локальную группу нижнечепецких удмуртов, переселившихся с Вятки, из-под Слободского. В ходе наших полевых диалектологических экспедиций к косинским удмуртам от многих информантов были зафиксированы сведения о том, что их предки – выходцы из среды слободских удмуртов. Это подтверждается и языковыми данными. Опираясь на материалы переписных документов, М. Г. Атаманов отмечает, что эта группа начала формироваться с кон. XVII в. Существование удмуртских поселений по р. Косе, т. е. на территории современных Унинского, Зуевского, Фаленского, Богородского р-нов Кировской обл., зафиксировано и в переписных материалах за 1678 г. [16. С. 272–274; 6. С. 67].

Известно, что развитие диалектов тесно связано с историей этнических групп их носителей. В становлении нижнечепецких говоров (слободской и косинской групп), по мнению М. Г. Атаманова, «участвовало привятское племенное объединение *ватка*, создатели пьяноборско-худяковско-азелинского, еманаевского, кочергинского археологических культур» [7. С. 301, 302]. Историк В. С. Чураков, исследуя проблему расселения удмуртов в Вятско-Камском регионе в XV–XVI вв., отмечает, что формирование территориальной группы удмуртов *ватка* (т. е. удмуртов, живших в Вятской земле; удмуртов-вятчан) относится ко втор. пол. XV в. Это были выходцы с нижней Вятки. Исследователь считает вполне возможным проживание небольших групп удмуртов (купцы, полон и т. п.) на Вятке и ранее [57. С. 87–88; 58. С. 12]. Опираясь на совокупность данных о расселении удмуртских родов в XV–XVIII вв., при корреляции с известиями исторических источников, В. С. Чураков полагает, что в нач. II тыс. н. э. удмуртский этнос занимал территорию южного Прикамья, примерно соответствующую современным северо-западным районам Татарстана, юго-западным районам Удмуртии и юго-восточным районам Кировской обл. Именно из этого региона, по его мнению, не ранее половины XV в. выделились два колонизационных потока, направленных на освоение Чепецкого бассейна [58. С. 9–10].

С. А. Максимов, указывая на наличие общих лексических элементов в языке удмуртского населения бассейна Чепцы, в том числе нижнечепецких удмуртов, и завятской групп удмуртов, полагает, что возникновение таких параллелей связано с миграционной волной удмуртов с нижней Вятки на Чепцу [43. С. 156].

В сложении нижнечепецких говоров определенную роль сыграли также бесермяне, которые, как отмечают исследователи [55. С. 13; 13. С. 56; 45. С. 51–52; 6. С. 193; и др.], вместе с удмуртами переселились в XIV–XVI вв. с районов Заказанья вверх по Вятке в бассейн Чепцы. В исторических документах данное

население фигурирует, по мнению ученых, под именем «чуваша», «чуваша арская» [56. С. 312–314; 55. С. 13–19; 23–25; 15. С. 24–25; 14. С. 21; 45. С. 51; 6. С. 195; 7. С. 99, 173]. С. А. Максимов считает также возможным, что под именем «чуваша арская» могла скрываться и часть чувашского населения, переселившаяся по Вятке в бассейн Чепцы [39. С. 108].

Есть основание полагать, что в формировании нижнечепецких говоров в какой-то мере отложился и коми-зырянский компонент. Это подтверждается и языковыми фактами. В частности, С. А. Максимов, исследуя проблему заимствованной коми лексики в северном наречии удмуртского языка, отмечает, что часть этих заимствований не может быть объяснена обычными контактами между этими двумя этносами. Исследователь полагает, что они могли сохраниться в языке нижнечепецких удмуртов от ассимилированных коми-зырян [36. С. 17; 37. С. 182]. О факте переселения части коми населения Лузской Пермцы в XVII в. на Вятку, Верхнюю Каму и даже в Казань свидетельствуют также письменные источники (см. об этом: [17. С. 70, 99]).

Условия формирования нижнечепецкого диалекта отразились и в его языковой системе. В этом отношении особую роль сыграл язык бесермян, способствовавший развитию ряда специфических черт в указанных говорах (см. об этом ниже). В бассейне реки Чепцы исторические документы фиксируют бесермян в сер. XVI – нач. XVII вв. в соседстве с удмуртами, татарами и русскими [31. С. 118–119]. Как свидетельствуют источники, в сер. XVII в. в Вятском крае их было немного. Наиболее ранние бесермянские селения располагались в устье Чепцы и по ее среднему течению. С сер. XVIII в. каринско-слободские бесермяне, территориально отдаленные от поселившихся в среднем течении Чепцы и ее притоках бесермян, стали формироваться в отдельную группу [12. С. 104]. По Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Вятской губ. в Слободском р-не проживало 801 бесермян [59. С. 30] (позже они стали учитываться в одном списке с удмуртами). Исследования, проведенные в 1970-е [7. С. 298–299] и 1990-е гг. [47. С. 9] в Слободском р-не Кировской обл., показали, что слободские бесермяне были ассимилированы татарами и удмуртами. В настоящее время из бывших бесермянских селений в Слободском р-не сохранились лишь д. Нижнее Мочагино и Омсино, жители которых полностью обудмуртились. Однако во время экспедиций к слободским удмуртам нам неоднократно приходилось слышать информацию о том, что речь населения д. Нижнее Мочагино несколько отличается от языка местных удмуртов. В частности, это различие проявляется в произношении звука *ы*, который в говоре жителей указанного населенного пункта, по сравнению со звуком *ы* удмуртов соседних деревень, является гласным более заднего образования и акустически стоит ближе к *ь* бесермянского языка. Об этом свидетельствует также распространенное среди местных удмуртов выражение: *понул'л'ос вэрас'ко бэралтыса* 'Нижнемочагинцы искажая ('загибая') говорят [по-удмуртски]'. Безусловно, такая специфика в языке населения д. Нижнее Мочагино говорит о сохранении следов бесермянского произношения гласного *ь*.

В пределах нижнечепецкого диалекта выделяются две группы говоров: слободской и косинский (далее – сл., кос. соответственно) [54. С. 157–158]. Носители слободского говора ныне живут в 11 населенных пунктах Слободского

р-на*: дд. Светозарево (*гырдор***), Пески (*пэски*), Красногорье (*чола*), Бурино (*с'ура*), Нижнее Мочагино (*понул*), Верхнее Мочагино (*кунды*), Омсино (*чаб'яа*), Паскино (*поска*), Подгорная (*подго·рной*), Сизёво (*бигра*) и с. Круглово (*с'эло*). Косинская группа удмуртов, по нашим последним данным, компактно проживает примерно в 10 населенных пунктах следующих районов: Зуевский р-н – д. Березник (*кйонгурт ~ к'йонгурт*), Городище (*поркар*), Поля (*удэга*), Слудка (*урморт горд'д'ар ~ горд'д'ар*); Унинский р-н – д. Астрахань (*астаркан*), Сибирь (*пэчкэз'*); Фаленский р-н – д. Баженово (*бажгурт*), Полом; Богородский р-н – д. Караул (*ыктым*), Павловка (*павловка*). В последнее 10-летие отмечен отток удмуртского населения из ряда малочисленных деревень в близлежащие к ним населенные пункты и административные центры (пос. Октябрьский, с. Мухино Зуевского р-на, с. Уни Унинского р-на). В нач. 70-х гг. в связи с программой ликвидации «неперспективных» деревень удмурты из населенных пунктов Будино, Зямино, Малый Амур, Большой Амур, Тойдой, Кобляки, Алексеево, Давыдово, Новый Погост, Малое Будино, Мураши (ныне этих деревень нет) Слободского р-на переселились в дд. Светозарево, Пески, с. Карино этого же района. В тот же период началось переселение удмуртов из дд. Петровка, Чугай, Дунай (ныне этих деревень нет) Унинского р-на в соседние населенные пункты Сибирь, Астрахань этого же района. По нашим приблизительным подсчетам, в настоящее время на территории распространения нижнечепецкого диалекта насчитывается примерно 800 удмуртов (исключая группу удмуртов-калмезов***), из которых меньше половины владеют удмуртским языком.

По наиболее характерным фонетико-морфологическим чертам слободской и косинский говоры близки между собой. Одновременно отметим и некоторую неоднородность говоров, возникшую, на наш взгляд, в процессе формирования этих двух локальных групп. Территориальная оторванность привела к ослаблению культурных и экономических связей между слободскими и косинскими удмуртами и способствовала также выработке отдельных особенностей в их языках. Кроме того, формирование носителей косинского говора в течение ряда веков шло в соседстве с другой группой удмуртов – *калмезами*. До настоящего времени удмурты-ватка и удмурты-калмезы Унинского р-на имеют четкое представление о своей принадлежности к определенной общности. Несомненно, социально-культурные контакты между этими двумя группами удмуртов в пределах одной территории, а также общая географическая среда привели к нивелировке отдельных языковых явлений.

---

* Согласно данным Т. И. Тепляшиной [54. С. 156–157], в 60-е годы прошлого века в Слободском р-не насчитывалось 27 удмуртских населенных пунктов. В настоящее время многие из них прекратили свое существование.

** В скобках даются удмуртские названия населенных пунктов.

*** В Унинском р-не в соседстве с удмуртами-ватка проживает другая группа удмуртов – калмезы. Как свидетельствуют наши полевые данные, их язык намного отличается от языка удмуртов-ватка и по своим ведущим особенностям составляет отдельную диалектную группу. В удмуртской диалектологии этот говор именуется «сурвайско-поломским» и представляет собой один из говоров средне-западного диалекта (срединные говоры) [38. С. 47].

Предмет нашего исследования – описание фонетических явлений, свойственных в целом нижнечепецким говорам, с одной стороны, и освещение частных особенностей, имеющих ограниченное распространение в группе исследуемых говоров, – с другой. Как отмечено выше, нижнечепецкие говоры (или нижнечепецкий диалект; далее – нч.) по своим наиболее характерным языковым чертам входят в северноудмуртское наречие, в пределах которого, помимо нижнечепецкого, выделяется еще два других диалекта: среднечепецкий и верхнечепецкий (далее – сч., вч. соответственно). В целях определения общности и специфики исследуемых говоров в системе северноудмуртских диалектов фактический материал по возможности интерпретируется в сравнении со среднечепецким и верхнечепецким диалектами.

1. Фонетические особенности, общие для слободского и косинского говоров и позволяющие объединить их в один диалект.

1.1. Система вокализма нижнечепецких говоров представлена семью гласными: *a, o, y, u, э, ö, ы*. Первые 6 фонем артикуляционно и акустически не имеют различий во всех северных диалектах. Отличие составляет лишь фонема *ы*. В говорах нижнечепецкого диалекта, как и в верхнечепецком диалекте, она функционирует в единственном варианте – *ы*. В среднечепецком диалекте данная фонема выступает в трех произносительных вариантах: *ы* – гласный среднего подъема верхнего ряда, *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъема заднего ряда, *йь* – гласный верхне-среднего (среднего) подъема средне-заднего ряда. Некоторые примеры: нч., вч. *пыд*, сч. – юк., кож. *пъд*, яр. *пыд*, пон. *пъд* (*пыд, пйьд*) ‘нога’; нч., вч. *кыл*, сч. – юк., кож. *къл*, пон. *къл* (*кыл, кйьл*) ‘язык’. Заметим, что в употреблении вариантов фонемы *ы* нет единства у говоров среднечепецкого диалекта: *ь*, не имея позиционных ограничений, закономерно функционирует в юкаменском говоре и кожильском подговоре глазовского говора: *вэрань* ‘сказать’, *пйьань* ‘обмануть’. Гласный *ы* характерен преимущественно для речи носителей ярского говора: *отын* ‘там’, *тыл* ‘огонь’. Вариант *йь* встречается в основном на стыке ареалов распространения *ь* и *ы*. Причина веляризации *ы* в *ь* в удмуртских диалектах традиционно объясняется влиянием тюркских языков. В. К. Кельмаков в работах более позднего времени склоняется к мысли, что данное явление могло возникнуть по собственным внутренним законам развития языка, а тюркское влияние представляется лишь дополнительным фактором [28. С. 20]. М. Г. Атаманов выдвигает свою точку зрения, согласно которой заднерядный *ь* в удмуртских диалектах возник под влиянием бесермянского языка, приводя в качестве основного аргумента тот факт, что звук *ь* свойствен одним удмуртским диалектам, но отсутствует в других, даже в большей степени тюркизированных [5. С. 100–101; 7. С. 312]. С. А. Максимов не совсем согласен с предположением исследователя о том, что «заднерядный звук *ь* во всех удмуртских диалектах, в которых он употребляется, появился под влиянием языка бесермян» [40. С. 68], и склоняется к мысли о решающей роли татарского языка в возникновении указанного звука в удмуртских диалектах. Наряду с этим, исследователь считает, что в среднечепецком диалекте основным фактором, способствовавшим развитию *ы* в *ь*, было влияние бесермянского языка [40. С. 66–67].

1.2. Особенность нижнечепецких говоров – в сохранении в их консонантной системе общепермского анлаутного согласного ***ɯ** перед гласным *a* в определенном круге слов: *йачэ* ‘двое; вдвоем, на пару’, *йал’эс* ‘постель’, *йамэнэс* ‘упрямый’, *йан’* ‘есть, имеется’, *йатыны* ‘спрятать; похоронить’, *йал’лана* ‘старинный, древний’, *йарс’* ‘сусло’, *йаз’нал* ‘позавчера’ и т. д. Примеры-предложения: *йал’лана тырыс’ кышино но уг ва’йо вал калмэз’юсты, ныл’л’ос но уг би’з’о вал мил’амйос, ваткайос*. Сиб. ‘С **давних** времен в жены не брали калмезов, девушки [за калмезов] тоже не выходили замуж наши, ватка’; *ойиг мурт курас’ вал монэ, йактаз вал, урмис’ ой биз’ мон солы*. НМоч. ‘Один человек сватал меня, **странный** был, драчливый. Не пошла я за него замуж’. Из других северноудмуртских диалектов употребление билабиального *ɯ* отмечается в среднечепецком диалекте и гыинском говоре верхнечепецкого диалекта. Встречается он также в языке бесермян [55. С. 119]. Инициальный неслоговой *ɯ*- в сочетании *йа* исследователи возводят к прапермскому ***ɯ**- [61. С. 63–70; 33. С. 24], который впоследствии в разных диалектах удмуртского и коми языков претерпел изменения, реализовавшись в различные звуки. В большинстве удмуртских диалектов общепермский ***ɯ**- заместился согласным *в*-, сохранившись лишь в отдельных периферийных говорах [51. С. 78; 28. С. 35–36; 29. С. 85] и бесермянском наречии [55. С. 119].

1.3. В нижнечепецких говорах встречаются слова, звуковой состав которых не совпадает с отдельными диалектами и говорами северноудмуртского наречия. К соответствиям в области вокализма относятся нижеследующие (в корреспонденции первым дается вариант из нижнечепецкого диалекта).

1. **ы // у**. В говорах нижнечепецких удмуртов в определенном количестве слов гласному *у* верхнечепецких и среднечепецких диалектов нередко соответствует *ы*: нч. *зыбэктыны // сч.*, вч. *зубэктыны* ‘сводить судорогой, колоть’; нч. *шыдэтскыны // сч.*, вч. *шутэтскыны* ‘отдыхать’; нч. *зындэс // глаз.*, вч. *зундэс* ‘кольцо’; кос. *пын’н’аны // сч.*, вч. *пун’н’аны* ‘закрывать на вертушку’; нч. *чыжон // сч.*, вч. *чужон* ‘метла’; нч. *чыжыны // сч.*, вч. *чужыны* ‘мести, подметать’; нч. *шыдыны // сч.*, вч. *шудыны* ‘играть’; кос. *пын’и*, сл. *пын’ы ~ пун’ы // сч.*, вч. *пун’ы* ‘ложка’; нч. *тырскыны // сч.*, вч. *турскыны* ‘пытаться, стараться’; сл. *сысыпу*, кос. *сысыпу ~ сусупу // сч.*, вч. *сусыпу* ‘можжевательник’; нч. *лымбыт // сч.* *лымбыт ~ лумбыт*, вч. *лумбыт* ‘целый день’ и др. Примеры-предложения: *два-цэт’ пэ’рвой йанварэ имвожойэз кэл’ас’ком вал. кыр’зал’лам, шыдылим сокы*. Ок. ‘Двадцать первого января святки провожали [мы]. Пели, **играли** [мы] тогда’; *пол чыжыны но с’экыт мыным, нылы вэттэ, йурттэ*. Свет. ‘И **подметать** тяжело мне, дочка приходит, помогает’; *кэнэ вылаз карыны тырскэ вылэм коркамэ*. НМоч. ‘Сноха моя на себя, оказывается, **пыталась** переписать мой дом’.

Источником возникновения данной междиалектной корреспонденции в первом слоге является праудмуртский ***ɯ**, давший различные рефлексy в диалектах удмуртского языка. Фонетически и фонематически сохранился он лишь в говорах периферийно-южного диалекта, где более или менее последовательно функционирует *ɯ* на месте предполагаемого ***ɯ** (спорадически в качестве репрезентанта выступают еще *ъ* или *у*). В большинстве диалектов (сев., южн., сред.) ***ɯ** перешел в *у* (лишь в качестве исключения этимологическим субститутом

выступает *ы* или его варианты). В бесермянском наречии и закамских говорах он совпал с *ы* (бес. $\text{ь} < *j$) (спорадически сохранился нефонематический j или появился /в закамских говорах/ гласный *у*) [30. С. 34–37]. Употребление в нижне-чепецких говорах *ы* на месте ожидаемого *у* других северноудмуртских диалектов, как нам представляется, объясняется влиянием бесермянских говоров (частично участвовавших в формировании говоров нижнечепецкого диалекта).

II. *и* // *ы*. В нижнечепецких говорах в небольшой группе слов в пределах первого слога перед палатальными согласными как рефлекс праудмуртского $*j$ функционирует *и* на месте *ы* других северноудмуртских диалектов (в южной диалектной зоне *и*): нч. *киз'* // *глаз.*, вч. *кыз'* 'моча'; нч. *киз'аны* // *глаз.*, вч. *кыз'аны* 'мочиться'; кос. *биз'ыны* ~ *биз'ины*, сл. *биз'ыны* // вч. *быз'ыны* 'бежать; выйти замуж', сч. *быз'ыны* 'выйти замуж'. Примеры-предложения: *биз'и таццы. сэрэ со бэрэ свина ркой ужай, два цэт' л'эт ужай. вэк орчиз*. Бер. 'Вышла замуж сюда. Потом после этого свиной работала, двадцать лет работала. Жизнь прошла'; *н'ил' с'эстрайос соос вал*. Бер. 'Четыре сестры их было'. По характеру проявления данной особенности нижнечепецкий диалект обнаруживает сходство с южноудмуртскими говорами и бесермянским наречием. Но, в отличие от последних, процесс перехода *ы* в *и* в указанной позиции в исследуемом диалекте, как свидетельствуют наши материалы, выражен менее интенсивно. Так, встречаются некоторые примеры, когда репрезентантом праудмуртского $*j$ в нижнечепецких говорах, подобно другим северноудмуртским диалектам, выступает гласный *ы*: *пыд'эс* 'колени', *выл'* 'новый', *кыз'ы* 'как; каким образом'. Примеры-предложения: *выл' корка потоно выл' толыз'ын*. Свет. 'В новый дом нужно въезжать в новолуние'; *мон адрас'ко солы но, кыз'ы пыццано вал мэт-пунтэз аслам дэрэв'аын*. Бер. 'Я удивляюсь и тому, как можно было закрыть мудпункт в нашей деревне'. Помимо этого, некоторые различия в проявлении указанной корреспонденции обнаруживаются и внутри говоров нижнечепецкого диалекта. К примеру, в слободском говоре в нескольких словах праудмуртский $*j$ репрезентируется гласным *ы*, тогда как в косинском говоре в этом случае выступает гласный *и*: кос. *тиз'*, сл. *пыз'* // вч., сч. *пыз'* 'мука'; кос. *н'ил'*, сл. *н'ыл'* // сч., вч. *н'ыл'* 'четыре'. Примеры-предложения: *улыс'эз н'ыл' нэ, пожа-лой, к у н д ыйын*. Ок. 'Жителей только **четыре**, наверно, в Верхнем Мочагино'; *война бэрэ пиз'мы но ой вал, пыр с'утэм ули-мы*. Ас. 'После войны и **муки** у нас не было, всё время впроголодь жили мы'.

III. *ы* ~ *и* // *и*. В нижнечепецких говорах в небольшом количестве слов при соседстве с последующим велярным согласным или между *ж*, *ш* и последующими палатальными нередко употребляется *ы* (иногда варьирующие гласные *ы* ~ *и*), в то время как в среднечепецком и верхнечепецком диалектах в таком случае чаще выступает гласный *и* (реже *ы*): нч. *гынэ* // сч., вч. *гинэ* 'только, лишь'; кос. *жыл'и*, сл. *жыл'ы* ~ *жыл'и* ~ *жил'и* // сч. *жъл'и* ~ *жил'ь*, вч. *жил'ы* 'цепь'; нч. *жсыкыт* // сч., вч. *жсыкыт* 'только, лишь'; нч. *жыл'дыны* // сч. *жил'дыны* ~ *жъл'дънъ*, вч. *жил'дыны* 'лущить'; кос. *сын'ис* ~ *сын'ыс*, сл. *сын'ыс* // сч., вч. *син'ыс* 'нитка' и др. Примеры-предложения: *война вылын мар гынэ ми өм а-дзэ*. Бер. 'Во время войны чего **только** мы не повидали'; *старкэлы сорок чэтырэ гынэ вал* – кулиз. Ас. 'Мужу моему **только** сорок четыре года было – умер'; *кыз*

сын'ысэн вуроно та халатэз. Бур. 'Толстой **ниткой** нужно зашить этот халат'. В проявлении данной особенности нижнечепецкие говоры обнаруживают сходство с южноудмуртскими говорами и бесермянским наречием.

В области согласных можно выделить следующие звукосоответствия:

I. **ч // с'.** В нескольких словах на месте инлаутного согласного *с'* (*с*) среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов в речи косинских и слободских удмуртов отмечается согласный *ч*: нч. *мичкыны* // сч., вч. *мис'кыны* 'мыть'; нч. *кичканы* // сч., вч. *кис'каны* 'лить, выливать'; кос. *мичкыс'кыны* 'умыться' // сч., вч. *мис'тас'кыны* 'стирать'; кос. *пичл'эг* // сл. *пис'л'эг* ~ (*пичл'эг*) // сч. *писл'эг*, вч. *пислэг* 'синица'. Примеры-предложения: *шорт мичкыны вэтлылы-зы үял'л'о*. Сиб. 'Пряжу **мыть** ходили раньше'; *салдатыс' лыктиз айи рөдмыса. мумы мичкэ, с'удэ сойэ, а мон солэс' нулыс'ко*. Пес. 'С войны ('из солдат') вернулся мой отец больным. Мама **обстирывает**, кормит его, а я его боюсь'. Звукопереход инлаутного палатального *с'* в *ч* встречается и в бесермянском наречии [35. С. 16].

II. **м // н.** В говоре нижнечепецких удмуртов наблюдается спорадическое употребление согласного *м* на месте согласного *н* верхнечепецкого и среднечепецкого диалектов: нч. *с'им* // сч., вч. *с'ин* 'глаза'; сл. *с'имкыл'ы* ~ *с'имкыл'и*, кос. *с'имкыл'и* // сч., вч. *с'инву* 'глаза'; нч. *им* 'небо', *имвожо* 'святки; Рождество' // сч., вч. *ин* 'небо'; нч. *йалам* // сч. *йалам* ~ *йалан*, вч. *йалан* 'всегда; постоянно, всё время; всё еще'; нч. *кыммыны* // сч., вч. *кынмыны* 'мерзнуть'. Примеры-предложения: *остано-фкайын кыммыса уло-ды, кэн'а кэ пукэ на мин'н'ам*. Ом. 'На остановке будете **мерзнуть**, немного посидите еще у нас'; *кунойос лыктылы-зы имвожойэ. по домам вэттылы-зы, ой, кычэ кырзэл'л'а-зы, эктылы-зы. а ми, пэчийос, йун шумпотылим н'и*. Бур. 'Гости приходили на **Рождество**. По домам ходили, ой, как пели, плясали. А мы, дети, очень радовались'; *муми мынам с'имтэм вал*. Бер. 'Мама моя **слепая** была'. В среднечепецком диалекте губной звук *м* выступает в словах *зым* (< *зын*) 'запах', *зачим* (< рус. *зачин*) 'зачин'. В диалектах Закамья, как и в целом в южной диалектной зоне [41. С. 234], а также в отдельных срединных говорах подобный звукопереход отмечается в слове *турым* (< *турын*) 'трава; сено'.

1.4. Во всех обследованных нами нижнечепецких говорах наблюдается палатализация согласного *т* перед переднерядным гласным *и* в показателе пролатива, суффиксе *-эт'и* порядковых числительных и некоторых наречиях и наречных словах: нч. *азбарыт'и* 'по двору', *ул'чаэт'и* 'по улице', *вит'э-т'и* 'пятый', *т'амысэ-т'и* 'восьмой', *от'* (~ *от'и*) 'там; по тому месту', *тат'* (~ *тат'и*) 'здесь; по этому месту'. Примеры-предложения: *тон доры мон имыт'и но лобысал*. Ок. 'К тебе бы я и **по небу** полетела'; *күйн'мэ-т'и нуналаз башланги йуо. башлангиын жэн'ихлэн гинэ луо*. Сиб. 'На третий день [свадьбы] «башланги пьют». На *башланги* только родня жениха бывает'. Отметим, что смягчение *т* в указанных позициях широко распространено в среднечепецком диалекте [21. С. 78], а также бесермянском наречии [55. С. 209]. В верхнечепецких говорах палатализации согласного в указанных случаях не происходит. Вполне допустимо, что нижнечепецкие и среднечепецкие говоры эту особенность переняли от языка бесермян.

1.5. Для исследуемых говоров характерно озвончение этимологических глухих согласных перед губно-зубным *в*: *лызву* (< *лысву*) 'роса', *даз вит'*

‘пятнадцать’, *мад'вэй* (< *Матвей*), *тулыз ву* (< *тулыс ву*) ‘половодье, разлив’, *жэög вылын* (< *жэök вылын*) ‘на столе’, *с'урэз вожын* (< *с'урэс вожын*) ‘на развилке дорог’, *пöз' ву* (< *пöз' ву*) ‘горячая вода’. Примеры-предложения: *сорог вос'мом мон вортски. таццы биз'и ф шэйс'ат вос'мом*. Сиб. ‘В [тысяча девятьсот] **сорок** восьмом [году] я родилась. Сюда замуж вышла в [тысяча девятьсот] шестьдесят восьмом [году]’; *аз'ло празн'икйос данаг вал. йэрмол'эн шыдыса вэттылы·зы, кырз'ал'л'а·зы, эктылы·зы ка·ждой домын*. Ом. ‘Раньше праздников **много** было. Под гармошку (‘на гармошке играя’) гуляли, пели, плясали в каждом доме’.

В слободском говоре зафиксированы единичные примеры озвончения глухих согласных в интервокальном положении: *тага* (< *така*) ‘баран’, *грэчуга* (< рус. *гречиха*) ‘гречиха’. Это имеет место также в среднечепецком диалекте [21. С. 77; 22. С. 55], но не встречается в верхнечепецких говорах. Из других удмуртских диалектов оно наблюдается в языке бесермян [55. С. 153–154], бавлинском [50. С. 139] и закамских [46. С. 66–67] говорах.

Т. И. Тепляшина [55. С. 155], указывая на наличие аналогичного процесса озвончения этимологических глухих согласных в татарском, башкирском и чувашском языках, возводит это явление в языке бесермян к древнебулгарскому субстратному наследию. Иная точка зрения по данному вопросу у В. К. Кельмакова, полагающего, что «в свете данных периферийно-южных диалектов рассматриваемое фонетическое явление в языке бесермян, как и в бавлинском, кукморском диалектах и закамских говорах, должно быть объяснено как результат позднего самостоятельного развития под непосредственным влиянием соответствующих диалектов татарского языка» [27. С. 117–118]. С. А. Максимов, рассматривая переход глухого *к* в звонкий *г* в компоненте *тага*, выступающего в структурах удмуртских названий козла *кэчтага*, *кўакэчтага*, *казатага*, считает, что он мог возникнуть под влиянием языка чувашей, некогда проживавших на нижней Чепце [39. С. 108; 44. С. 187].

1.6. В говоре слободских и косинских удмуртов нередко отмечается лабиальная ассимиляция гласного *ы* в непервых слогах отдельных слов, например: *пужум* (< *пужым*) ‘сосна’; *турун* (< *турын*) ‘трава’; *шушу* (< *шушы*) ‘снегирь’; *кучу* (< *кучы*) ‘форма для хлеба, сплетенная из ивовых прутьев’; *куду* (< *куды*) ‘лукошко’; *йыропушу* (< *йыропушы*) ‘головастик’; сл. *пуну* (< *пуны*) ‘собака’; сл. *жучу* ~ *жучы* (лит. *жичы*) ‘лиса’, сл. *нушу* (< *нушы*) ‘деревянная колотушка’, кос. *нуну* (< *нуны*) ‘младенец’, кос. *сусупу* (< *сусыпу*) ‘можжевельник’, кос. *сурум* (< *сурым*) ‘угар, чад’. Примеры-предложения: *нунумэ вайыччоз'*, *буга·лт'эром ужай*. Бер. ‘До того как родить **ребенка**, бухгалтером работала [я]’; *муми куду но кувлиз*. Пес. ‘Мама моя и лукошко плела’; *пунумы вузиз шöй аз'ын*. Свет. ‘**Собака наша** выла перед тем, как кто-то умрет’. Данное явление распространяется и на русские заимствования: *бутул'* (< *бутыл'*) ‘бутыль’, *бутулка* (< *бутылка*) ‘бутылка’, *кумушка* (< *кумышка*) ‘кумышка’, *оз'ум* (рус. < *озимь*). Лабиальная ассимиляция наблюдается в языке удмуртов верхнечепецкого региона, а также в бесермянском наречии [55. С. 70], что в вокализме среднечепецкого диалекта занимает незначительное место.

1.7. В нижнечепецких говорах наблюдается ассимиляция *й* суффиксального слога или внутри корня (чаще в заимствованных словах) предшествующими согласными *н*, *н'*, *л*, *л'*, *д*, *д'*, *т*, *т'*, *с'*, *з'*: *кин'н'ос* (< *кинйос*) ‘кто’, *вал'л'ос* (< *валйос*)

‘лошади’, *ныл'л'ос* (< *нылйос*) ‘девички, девушки’, *лыд'д'аны* (< *лыдйаны*) ‘читать; считать’ *лат'т'а* (< рус. *лат'йэ*) ‘платье’ и др. Примеры-предложения: *мон ачим лачак вэтли с'уан'н'осы*. Сиб. ‘Я сама много ходила **по свадьбам**’; *уал'л'о лачак вал тат' урморт гурт'т'ос*. Ас. ‘Раньше много было здесь удмуртских **деревень**’; *таз'но вэрал'л'а:зы: чугай – кун'ан'н'ос, пэчкээз' – торокан'н'ос*. Сиб. ‘Так тоже поговаривали: [жители деревни] Чугай – **телята**, [жители деревни] Сибирь – **тараканы**’. Данное явление широко распространено в среднечепецком диалекте и sporadически отмечается в кезском говоре верхнечепецкого диалекта [21. С. 75–76; 23. С. 102]. Ассимиляция *й* предшествующими согласными характерна также для средневосточных говоров [11. С. 272], бесермянского наречия [55. С. 151], отдельных южных [26. С. 39] и периферийно-южных говоров, в частности бавлинского [50. С. 122–125], шошминского [52. С. 137], кукморского [29. С. 103–105]. Уподобление *й* предшествующим мягким согласным наблюдается и во многих коми-зырянских [32. С. 38, 39; 20. С. 1971: 44–45; 18. С. 38–39; 19. С. 23; 48. С. 28; и др.] и коми-пермяцких [8. С. 53] диалектах.

1.9. В нижнечепецких говорах в ряде указательных слов наблюдается выпадение гласных *ы, и*: нч. *тан'* (< *тан'и*) ‘вот (здесь)’, нч. *оз'* (< *оз'ы*) ‘так; таким образом’, нч. *тин'* (< *тин'и*) ‘вот (там)’, нч. *от'* (< *от'и*) ‘там’. Примеры-предложения: *от' куз'ана сыло фэрмаос*. Слуд. ‘**Вот там** подряд [одна за другой] стоят фермы’; *ми в апрэ-л'э тупас'ким кэ дак, мэста учкыны оз' вэттылы-зы*. Сиб. ‘Если мы в апреле сошлись, хозяйство (‘место’) смотреть [к жениху] не ходили, поскольку далеко мы не жили. Далеко живущие [сватовья] **так** ходили’. Системный характер это явление носит в среднечепецком и верхнечепецком диалектах [22. С. 46; 23. С. 101]. Отметим, что в материалах Т. И. Тепляшиной [54], зафиксировавшей речь нижнечепецких удмуртов в 1960-е гг., данная группа слов представлена в основном в полной форме.

1.10. В слободском и косинском говорах на месте сочетания *дэ* (встречающемся в небольшом количестве глагольных форм) большинства удмуртских диалектов аффриката *з* после звонкого смычного согласного *д* переходит во фрикативный *з*, т. е. происходит веляризация аффрикаты: нч. *адзэ* (ср. лит. *адже*) ‘видит’; нч. *кудзо* (ср. лит. *кудзо*) ‘опьянею; пьянеют’; нч. *курадзиз* (ср. лит. *курадзиз*) ‘(он) мучался, страдал’, сл. *мэдзас'кыны* (ср. *мэдзас'кыны*) ‘наняться, наниматься’. Примеры-предложения: *данаг гондырэз, лос'эз татын. пыт'ызэс адзылим*. Крас. ‘Много медведей, лосей здесь. Следы их **видели** мы’; *война вылын ми йун курадзыса улим*. Ом. ‘Во время войны мы очень страдали (‘**страда**я жили’)’. Подобное явление характерно для ярского и юкаменского говоров среднечепецкого диалекта. В отличие от них, в верхнечепецком диалекте и глазовском говоре среднечепецкого диалекта, как и в большинстве удмуртских диалектов, в сочетании *дэ* происходит полная регрессивная ассимиляция по месту и способу образования: вч., глаз. *аззэ* ‘видит’; вч., глаз. *куззэ* ‘опьянею; пьянеют’; вч., глаз. *кураззиз* ‘(он) мучался, страдал’.

Аналогичный процесс наблюдается и в некоторых словах в сочетании *лэ*, где инлаутная палатальная аффриката *з* подвергается деаффрикатизации и замещается фрикативным *з*: *луззыны* ‘вздохнуть; перевести дыхание’, *колзо* ‘тесто’, *гылзыны* ‘скользить’, *улытыны* ‘ожививить’. Примеры-предложения: *укс'о*

мар но ук ка-ры: *улзытэ но, кудзытэ но*. Пес. 'Деньги что только не делают: и **оживляют**, и **опьяняют**'; *тат'осторожно мы нэлэ, пьд гылзэ*. НМоч. 'Здесь осторожно идите, ноги **скользят**'.

1.11. В нижнечепецких говорах составные звуки аффрикаты *ч* (*т'с'*) в звуко-сочетании *тч*, встречающегося в нескольких наречиях, под влиянием *т* (твердого согласного) *ч* веларизуется и переходит в *ц*, который ассимилируя предшествующий *т*, образует геминированную аффрикату *цц*: *таццы* (ср. лит. *татчы*) 'сюда', *оццы* 'туда', *кыццы* 'туда'. Примеры-предложения: *лымшырэ таццы вэттэ автобус*. Ом. 'В обед **сюда** приходит автобус'; *ти соццы пу-кс'э, мыно-ды со пойэээн*. Ок. 'Вы **вот туда** садитесь, поедете на том поезде'. Подобное явление характерно для среднечепецкого диалекта, отдельных говоров верхнечепецкого диалекта [22. С. 57; 25. С. 52], также завятских и некоторых южных говоров.

1.12. В нижнечепецком диалекте есть случаи выпадения гласного *ы* в отдельных словах перед сонантами *л, н, р, й*: *слал* (< *сылал*) 'соль', *слалтыны* (< *сылалтыны*) 'солить', *крэм* (< *кырэм*) 'овраг', *кнар* (< *кынар*) 'сила, мощь', *прик* (< *пырик*) 'постоянно, всегда', *грыны* 'пахать', *крыж* (< *кырыж*) 'кривой, косою; криво, косо', *кл'ис'кыны* 'раздеться', *кос. мнам* (< *мынам*) 'мой', *кос. тнад* (< *тынад*) 'твой', *кос. кйэд* (< *кыйэд*) 'навоз'. Примеры-предложения: *слалтыны кон'ыгубийээ мил'эмэс мамы дышэтитз*. Бер. 'Солить рыжики нас мама научила'; *кэн'а дэрэвн'аос брэмын*. Пес. 'Сколько деревень **исчезло**'; *кэн'а ар троно крэд'иттэ?* Пес. 'Сколько лет **нужно выплачивать** кредит твой?'. В среднечепецком диалекте это явление носит системный характер, спорадически встречается в речи кезских удмуртов [23. С. 103].

1.13. К особенностям нижнечепецких говоров относится появление протетического звука *й* перед вопросительной частицей *-а* 'ли', если слово оканчивается на гласный: *вэтти-ды-йа?* 'ходил ли ты?', *мыно-йа?* 'пойду ли?', *тайэ-йа?* 'это ли?', *аскы-йа?* 'завтра ли'. Примеры-предложения: *адзи-ды н'и-йа муз'эймэс? тин' отын ужа мынам внучкайэ*. Сиб. 'Видели **ли** уже вы наш музей? Вот там работает моя внучка'; *мар кырзас'ко-йа мон? калмээ крээ' но кырзас'ко*. Мух. 'Что пою я? И калмезские песни пою'. Подобное явление отмечается в языке бесермян [55. С. 239] и среднечепецких удмуртов [21. С. 176; 24. С. 60]. Мы полагаем, что данная особенность в нижнечепецких и среднечепецких говорах возникла под влиянием языка бесермян.

1.14. В нижнечепецком диалекте в русских заимствованиях фонема *о* нередко заменяется на *ö*: *рöд'н'а* < рус. *родня*, *гöршок* < рус. *горшок*, *пöчинка* < рус. *починок*. Примеры-предложения: *рöд'н'айос лыкто имвожойэ*. Мух. '**Родственники** приходят на Рождество'. Такое явление, как отмечает Т. И. Тепляшина [54. С. 164], сближает исследуемый диалект с коми языками, где фонема *ö* может занимать любую позицию в структуре слова.

1.15. Для носителей нижнечепецкого диалекта характерно произношение в русских заимствованиях твердой аффрикаты *ч* на месте мягкого *ч* языка-источника: *чай* < рус. *чай*, *час* < рус. *час*, *чут'* < рус. *чуть*, *внучка* < рус. *внучка*, *на'ча-л'ник* < рус. *начальник*, *чэты-рэ* < рус. *четыре*, *участок* < рус. *участок*, *чан* < рус. *чан*, *ча-га* < рус. *чага*, *чэмодан* < рус. *чемодан*, *чэрэпа-ха* < рус. *черепаха*, *пэчат'* < рус. *печатать* и др. По мнению С. А. Максимова, употребление в указан-

ном диалекте велярной аффрикаты *č* вместо палатальной *ч* связано с влиянием местных русских говоров [44. С. 160]. Примеры-предложения: *вну́чкэз нэ рвойэ вэттэ в а л' алэн*. Пес. 'Внучка в первый [класс] ходит у Вали'; *čэтырэ čаса кайят' кари·зы му*. ВМоч. 'Четыре часа качали они мед'.

Аналогичное явление отмечено в летских говорах лузско-летского диалекта, удорском и ижемском диалектах коми-зырянского языка [49. С. 19].

1.16. В описываемых говорах встречаются отдельные примеры, когда в русских заимствованиях на месте фонемы *о* в безударном положении употребляется гласный *а*: нч. *салдат* < рус. *солдат*, нч. *камод* < рус. *комод*, нч. *карита* < рус. *корыто*, сл. *каза* < рус. *коза*. Примеры-предложения: *камодын возис'ко стари-кэлэс' со пис'мозэ*. Сиб. 'В комодe храню то письмо мужа'; *каза йöлэ мынам йан', чайа·ды ва тсалэ*. Пес. 'Козье молоко у меня есть, в чай свой добавьте'.

В других северноудмуртских диалектах подобные слова, как правило, выступают в форме языка-источника. С. А. Максимов, исследуя территориальное распространение варианта названия козы *каза* в удмуртском диалектном пространстве, отмечает его функционирование также в шошминском и кукморском говорах периферийно-южного диалекта. В завятские говоры указанная форма, по его мнению, проникла из а-кающих говоров южнорусского типа. Исследователь считает, что в слободской говор вариант *каза*, возможно, занесен миграционной волной удмуртов с территории современного Татарстана [44. С. 182]. Вполне допустимо, что возникновение лексем *салдат*, *камод*, *карита* в нижнечепецких говорах аналогично слову *каза*.

1.16. В нижнечепецких говорах в нескольких словах наблюдается сохранение первичного анлаутного *й*, тогда как в других северноудмуртских диалектах этот согласный замещается *л'*: нч. *йукуны* // вч., сч. *л'укуны* 'делить, разделить', нч. *йукуыс'кыны* // вч., сч. *л'укуыс'кыны* 'делиться, разделиться; расходиться'. Пример-предложение: *йукуыс'кыны йукуыс'ким картэным*. Пес. '[Ну], разойтись разошлись мы с мужем'.

2. Частные фонетические явления, имеющие ограниченное распространение в говорах исследуемого диалекта.

2.1. В косинской группе говоров наблюдается упрощение инлаутного сочетания согласных типа *-рСС (> -рС-)*, например: кос. *кэртины*, сл. *кэрттыны* 'вязать'; *мэртины*, сл. *мэрттыны* 'садить, посадить'; кос. *йуртины*, сл. *йурттыныны* 'помогать'; кос. *тыртэм*, сл. *тырттэм* 'пустой, порожний'. Примеры-предложения: *до вос'мидэс'а·тых годов татын тыртэм ул'ча вал*. Сиб. 'До восьмидесятых годов здесь пустошь ('пустая улица') была'; *сузэрэ дышэтскэ вал сокы к и р о вын, мон йурти солы*. Сиб. 'Моя младшая сестра училась тогда в Кирове, я помогала ей'; *йаз'эн пиосйосты дышэтыли·зы пу вандыны, пыл'ыны, нош ныл'л'осты кэртины дышэтыли·зы*. Ас. 'Раньше мальчиков учили пилить, колоть дрова, а девочек вязать учили'. Данное явление для северноудмуртских говоров не характерно, но оно наблюдается в некоторых южных говорах, в частности кукморском, шошминском, отчасти красноуфимском, а также в бесермянском наречии [29. С. 108–109].

2.2. Специфику косинской группы говоров составляет употребление *в* вместо неслогового *ў* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и*: *кват'* (< *кўат'*) 'шесть',

квaмын (< *кўaмын*) ‘тридцать’, *квaрa* (< *кўaрa*) ‘звук, голос’, *квин'* (< *кўин'*) ‘три’. Примеры-предложения: *квин'* *чoшэн вэтлим тa н'aлэн с'уaнaз*. Ок. ‘Втроем мы ходили на Танину свадьбу’; *замок с'эры монэ, квaн'эрэз, пытса-зы*. Бер. ‘На замок меня, **бедняжку**, закрыли’. В прошлом это явление в нижнечепецком ареале, по-видимому, было более широко распространено. В частности, оно отмечалось и в слободском говоре, о чем свидетельствуют материалы Т. И. Тепляшиной [53. С. 289; 54. С. 163]. В современном слободском говоре, согласно нашим полевым данным, после глухого согласного *к* перед гласными *a* и *и* систематически выступает неслоговой *ў*, например: *кўaт'* ‘шесть’, *кўaрa* ‘звук, голос’, *кўин'* ‘три’. Примеры-предложения: *с'эмйaмы дaнaг вaл, пинaл'л'oc ми нo кўaт' вaл*. Пас. ‘Семья наша большая (‘много’) была, и детей нас **шестеро** было’; *кўaз' вьчнa-мэс aдзэ, co улын улыс'кoм*. Бур. ‘**Бог** всех нас видит, под ним живем’.

Из других удмуртских диалектов подобное явление зафиксировано в отдельных срединных говорах [29. С. 85], спорадически оно встречается в дебесском говоре верхнечепецкого диалекта [25. С. 52]. Сочетание *квa-* в начале слова, по мнению Д. В. Бубриха, возникло в древнепермский период из сочетания *кo-*. Развитие *в* ученый объяснял тем, что *к* перед *o* в прошлом имел некоторую степень огубленности. Когда в каких-то условиях *o* перешло в *a*, предшествующий *к* не утратил огубленности, а выделил определенный «пазвук», который дальше развился в *в* [10. С. 79]. Подобного мнения относительно происхождения протетического *в* в указанном сочетании придерживаются также И. В. Тараканов [51. С. 78] и Т. И. Тепляшина [54. С. 164].

2.3. В унинском говоре косинской группы говоров в первом слоге слова после мягкого согласного на месте гласного *ы* слободского говора и других севернoudмуртских диалектов нередко выступает гласный *и*, например: *кoc. вис'ины* // сл., сч., вч. *вис'ыны* ‘болеть’; *кoc. воз'ит* // сл., сч., вч. *воз'ыт* ‘совесть; стыдно’; *кoc. воз'ины* // сл., сч., вч. *воз'ыны* ‘держат’; *кoc. качи* // сл., сч., вч. *качы* ‘ножницы’; *кoc. жад'ины* // сл., сч., вч. *жад'ыны* ‘устать’; *кoc. огн'ин* // сл., сч., вч. *огн'ын* ‘в одиночку’; *кoc. жэз'и* // сл., сч., вч. *жэз'ы* ‘ворота’; *кoc. качи* // сл., сч., вч. *качы* ‘в одиночку’; *кoc. курчины* // сл., сч., вч. *курччыны* ‘укусить, откусить’; *кoc. кон'и* // сл., сч., вч. *кон'ы* ‘белка’; *кoc. кэн'ир* // сл., сч., вч. *кэн'ыр* ‘крупа’ и др. Следует указать, что подобные слова могут употребляться и в *ы*-овой огласовке. Примеры-предложения: *биз'ины мон уг мэ-тскы вaл, айи косиз. биз'и, ч у г айэ*. Сиб. ‘**Выходить замуж** я не собиралась, отец заставил. Вышла замуж в Чугай’; *огн'ин улыны с'экыт н'и, пу нo кулэ, ву нo коркан өвёл*. Сиб. ‘**В одиночку** жить тяжело уже, и дрова нужны, и водопровода дома нет’.

2.4. В нижнечепецком диалекте встречается довольно большое количество слов, звуковой состав которых не совпадает по говорам. Из внутрдиалектных (иногда междиалектных) корреспонденций в области вокализма выделяются следующие (в корреспонденции первым дается вариант из косинского говора):

1) *э* ~ *ө* // *ё* // (*о*). В качестве рефлекса праудмуртского *ε в некоторых словах косинского говора наблюдается гласный *э* (в альтернации с *ө*, реже с *o*), в слободском – *ё*, в то время как в среднечепецком и верхнечепецком диалектах в данном случае чаще всего выступает *o*: *кoc. зэр* ~ *зөр* // сл. *зөр* // сч., вч. *зор* ‘дождь’; *кoc. лэбаны* ~ *лөбаны* // сл. *лөбаны* // сч., вч. *лобаны* ‘летать’; *кoc.*

чэрыг ~ *чöрыг* // сл. *чöрыг* // сч., вч. *чорыг* ‘рыба’; кос. *зэргыл’и* ~ *зöргыл’и* // сл. *зöргыл’и* // сч., вч. *зöл’гыри* ‘воробей’; кос. *тэдыны* ~ *тöдыны* // сл. *тöдыны* // сч., вч. *тодыны* ‘знать’; кос. *вöл’ит* ~ *вöл’ыт* // сл. *вöл’ыт* // сч. *вол’ыт* ~ *вöл’ыт*, вч. *вол’ыт* ‘гладкий; гладко’; кос. *тэлыз’* ~ *тöлыз’* ~ *толыз’* // сч. *толиз’* ~ *толыз’*, вч. *толыз’* ‘луна; месяц’; сл. *трöс* // сч., вч. *трос* ‘много’. Примеры-предложения: кос. *кал’к о сын чэрыгало калык. квин’ чэрыг тубыти мон но чукна*. Бер. ‘Сейчас на [реке] Косе **рыбачит** народ. Три **рыбы** принес и я утром’; сл. *зöр н’уртэ, кыццы мыноды на?* Свет. ‘**Дождь** идет, куда еще пойдете?’; *зол зöр крэ пэсокэз*. Пес. ‘Сильный **дождь** смывает песок’. Употребление *ö* в указанной позиции в нижнечепецких говорах, по мнению исследователей [30. С. 81; 43. С. 151], могло возникнуть под влиянием коми диалектов.

2) Некоторые различия между косинским и слободским говорами обнаруживаются в рефлексии праудмуртского *ö. В результате различного представительства данного гласного в указанных говорах возникли следующие внутридиалектные корреспонденции:

а) *э* // *ö* ~ *э* // (*ö*). В косинском говоре в определенном количестве слов в соседстве с палатальными и среднеязычным *й* в качестве субститута праудмуртского *ö употребляется гласный *э* на месте *ö* (в некоторых случаях в альтернативе с *э*) слободского говора и других северноудмуртских говоров, например: кос. *йэ* // сл. *йö* // сч., вч. *йö* ‘лед’; кос. *йэнаны* // сл. *йöнаны* // сч., вч. *йöнаны* ‘поправиться, излечиться’; кос. *йэны* // сл. *йöны* // сч., вч. *йöны* ‘осот’; кос. *йэтскыны* // сл. *йöтскыны* // сч., вч. *йöтскыны* ‘задеть, дотронуться’; кос. *кэн’а* // сл. *көн’а* ~ *кэн’а* // сч., вч. *көн’а* ‘сколько’; кос. *л’эм* // сл., сч. *л’öм* ~ *л’эм* // вч. *л’öм* ‘черемуха’; кос. *йэттыны* // сл. *йöттыны* // сч., вч. *йöттыны* ‘задеть; попасть в цель’; кос. *эт’ины* ~ *этыны* // сл. *öt’ины* ~ *этыны* // сч., вч. *öt’ины* ‘звать, приглашать’; кос. *эччаны* // сл. *öччаны* ~ *эччаны* // сч., вч. *öччаны* ‘звать, приглашать’ и др. Примеры-предложения: кос. *монэ эт’и·зы жэн’ихлэс’ мэстазэ учкыны*. Сиб. ‘Меня **пригласили** смотреть хозяйство (‘место’) жениха’; *тулыз ву кошкэ, сокы (шур кэлас’ком). кырзас’ком, эктыс’ком. йэ кошкэ сокы*. Ас. ‘Весенняя вода уходит, тогда «реку провозжаем». Поем, пляшем. **Лед** уходит тогда’. Подобное явление характерно для бесермянского наречия, где употребляется *э* на месте *ö*. В единичных случаях оно встречается в отдельных южных говорах [26. С. 34; 4. С. 47];

б) *о* // *ö* // (*ö*). Гласный *о* в нескольких словах косинского говора употребляется на месте *ö* слободского говора, а также отдельных северноудмуртских диалектов: кос. *йол* // сл. *йöл* // сч., вч. *йöл* ‘молоко’; кос. *йöлыл* // сл. *йöлыл* // сч. *йöлыл*, *йöлыли*, вч. *йöлыл* ‘сметана, сливки’; кос. *борс’аз* // сл. *böрс’аз* // сч., вч. *böрс’аз* ‘за; вслед’; кос. *полэстыны* // сл. *pöлэстыны* // сч. *полэстыны*, вч. *pöлэстыны* ‘скрутить, сучить (пряжу)’; кос. *портмас’кыны* // сч. *портмас’кыны*, вч. *pörtмас’кыны* ‘показываться, видеться (о призраке, привидении)’. Примеры-предложения: кос. *пурыс’ ыжгонэ ўан’, полэстыны кулэ эшишо сойэ*. Ас. ‘Серая пряжа есть, **скрутить** еще надо ее’; сл. *böрыс’ böрс’э пинал’л’ос шэт’тылэмын*. Пес. ‘**Друг за другом** дети родились’. В единичных случаях употребление *о* как рефлекса праудмуртского *ö встречается в отдельных граховских говорах [4. С. 47].

2.5. В двух словах слободского говора имеет место выпадение согласного *к* в середине слова перед *ч*: сл. *вэчи* // кос. *вэ́кчи* ‘мелкий; мелко’; сл. *вачи* // кос. *вакчи* ‘короткий; коротко’. Примеры-предложения: *курткайэд но вэ́чи тынад, пого-да тан' туннэ кээ'ыт*. Пес. ‘И куртка у тебя **тонкая**, погода вот сегодня холодная’; *таз' бутулкайэн быгыл'л'ас'код со мичкэм но кўас'тэм крахмалэз, мэд крахмалэд вэ́чи луоз*. Пес. ‘Так бутылкой раскатываешь тот промытый и высушенный крахмал, чтобы крахмал **мелким** получился’. Данное фонетическое явление характерно также для среднечепецкого диалекта [21. С. 79]. В верхнечепецком диалекте, как и в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, оно не наблюдается.

2.6. В слободском говоре зафиксированы единичные случаи выпадения инициального *й*: *эгит* (< *йэгит*) ‘молодой’, *эгит'т'ос* (< *йэгит'т'ос*) ‘молодежь; парни’, *этин* (< *йэтин*) ‘лён’. Пример-предложение: *эгит на вал айиз, а мумиз кулэм сорог л'этын*. Кар. ‘**Молодой** еще был его отец, а мать его умерла в сорок лет’. В косинском говоре, как и в верхнечепецком диалекте, в указанных лексемах первичный *й* сохраняется. В отличие от них, в среднечепецком диалекте употребляются обе формы: *эгит* ~ *йэгит* ‘молодой’, *эгит'т'ос* ~ *йэгит* ‘молодежь; парни’, *этин* ~ *йэтин* ‘лён’.

Таким образом, анализ материала позволяет нам сделать вывод, что в целом косинский и слободской говора в области фонетики обнаруживают много общих черт, позволяющих их объединить в один диалект – нижнечепецкий. Наряду с этим, между ними выявлен ряд различий, в определенной степени связанных с историей формирования данных говоров. Из севернудмуртских диалектов нижнечепецкие говоры проявляют наибольшее сходство со среднечепецким диалектом, особенно с его ярским говором.

В заключение отметим, что анализ морфологических явлений (вкуче с фонетическими и лексическими), а также обследование других групп говоров нижнечепецкого ареала, в частности говора удмуртов-калмезов Унинского р-на, позволят в дальнейшем глубже раскрыть характер говоров в плане их формирования и современного состояния.

СОКРАЩЕНИЯ

а) языков и удмуртских диалектов: вч. – верхнечепецкий диалект (верхнечепецкие говоры) северного наречия; глаз. – глазовский говор среднечепецкого диалекта; кож. – кожильский говор среднечепецкого диалекта; кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта; лит. – удмуртский литературный язык; нч. – нижнечепецкий диалект (нижнечепецкие говоры) северного наречия; пон. – понинский говор среднечепецкого диалекта; сев. – северное наречие; сред. – срединные говоры; сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта; сч. – среднечепецкий диалект (среднечепецкие говоры) северного наречия; южн. – южное наречие; юк. – юкаменский говор среднечепецкого диалекта; яр. – ярский говор среднечепецкого диалекта;

б) названий населенных пунктов:

слободской говор: Бур. – д. Бурино, ВМоч. – д. Верхнее Мочагино, Кар. – с. Карино, Крас. – д. Красногорье, НМоч. – д. Нижнее Мочагино, Ок. – п. Октябрьский, Ом. – д. Омсино, Пас. – д. Паскино, Пес. – д. Пески, Свет. – д. Светозарево;

унинский говор: Ас. – д. Астрахань, Бер. – д. Березник, Мух. – с. Мухино, Ок. – пос. Октябрьский, Сиб. – д. Сибирь, Слуд. – д. Слудка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Архипов Г. А.* К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 84–92.

2. *Архипов Г. А.* О формах субъективной оценки личных имен в говоре слободских удмуртов // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 162–168.

3. *Архипов Г. А.* Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Ижевск, 1990. С. 3–13.

4. *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.

5. *Атаманов М. Г.* Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7.–13.8.2000. Tartu, 2001. P. IV. Dissertationes sectionum: Linguistica I. С. 97–106.

6. *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.

7. *Атаманов-Эзрати М. Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.

8. *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

9. *Борисов Т. К.* Предисловие // Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1932. С. III–X.

10. *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.

11. *Бушмакин С. К.* Ассимиляция в средневосточных говорах удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1968. № 4 (IV). С. 269–283.

12. *Гришкина М. В.* Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии удмуртов. Ижевск, 1976. С. 95–133.

13. *Гришкина М. В.* Удмурты. Этюды из истории IX–XIX. Ижевск: Удмуртия, 1994. 168 с.

14. *Гришкина М. В.* Удмуртия в конце XV – первой половине XIX века // История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С. 3–248.

15. *Гришкина М. В., Владыкин В. Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 3–42.

16. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Составитель П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. 419 с.

17. *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X – нач. XX вв. М., 1982. 224 с.

18. *Жилина Т. И.* Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.

19. *Жилина Т. И.* Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 271 с.

20. *Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г.* Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971. 276 с.

21. *Карпова Л. [Л.]* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.

22. *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.

23. Карпова Л. Л. Кезские говоры в системе северноудмуртских диалектов // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2011. С. 97–106.
24. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
25. Карпова Л. Л. Дебесские говоры в системе удмуртских говоров Верхней Чепцы // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2015. Вып. 5. С. 48–56.
26. Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
27. Кельмаков В. К. К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С. 114–122.
28. Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра филол. наук; РАН, Ин-т языкознания. М., 1993. 57 с.
29. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Удм. Изд-во, 1998. 386 с.
30. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2. Ижевск: Удм. ун-т, 2004. 395 с.
31. Луппов П. Н. Северные удмурты в XVI–XVII вв. // На удмуртские темы. Ученые записки НИИ народов Советского Востока. М., 1931. Вып. 2. С. 112–144.
32. Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
33. Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.
34. Люкина Н. М. Некоторые особенности говора слободских удмуртов // Актуальные проблемы изучения литературы и языка в вузе и школе: Четвертые Татаринцевские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. Глазов, 2008. С. 152–154.
35. Люкина Н. М. Особенности языка бalezинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008. 25 с.
36. Максимов С. А. Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. 19 с.
37. Максимов С. А. К вопросу о лексических коми заимствованиях в диалектах удмуртского языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 179–183.
38. Максимов С. А. Комментарий к карте «Диалектное членение удмуртского языка» и «Принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 42–48.
39. Максимов С. А. Комментарий к карте «Капуста» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 105–110.
40. Максимов С. А. Комментарий к карте «Реализация вариантов фонемы *ы* и употребление фонемы *й* в диалектах удмуртского языка» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 60–68.
41. Максимов С. А. Комментарий к карте «Слеза» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. Вып. II. С. 230–236.
42. Максимов С. А. Комментарий к карте «Чеснок» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. Вып. II. С. 159–163.

43. Максимов С. А. Комментарий к карте «Дождевик настоящий» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. Вып. IV. С. 146–156.

44. Максимов С. А. Комментарий к картам «Коза», «Козел», «Заяц» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. Вып. IV. С. 181–191.

45. Напольских В. В. «Бисермины» // О бесермянах. Ижевск, 1997. С. 50–54.

46. Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973. 202 + [Приложение] 325 с.

47. Попова Е. В. Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004. 256 с.

48. Сорвачева А. А. Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978. 228 с.

49. Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. Удорский диалект коми языка. М., 1990. 283 с.

50. Тараканов И. В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (На материале бавлинского диалекта) // Труды / Ин-т яз. и лит. АН ЭССР. Таллинн: Эст. гос. изд-во, 1960. Т. 8. С. 117–153.

51. Тараканов И. В. К вопросу истории развития неслогового *ɥ* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.; Л., 1964. С. 75–82.

52. Тепляшина Т. И. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды / Мар. НИИ яз., лит., истории. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. Вып. 15: Вопросы языка, литературы и фольклора. С. 125–139.

53. Тепляшина Т. И. Удмуртский язык: Глазовский диалект. Бесермянский диалект. Слободской диалект. Тыловайский диалект. Шошминский диалект // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 282–304.

54. Тепляшина Т. И. Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.

55. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

56. Трефилов Г. Н. Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 310–318.

57. Чураков В. С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. № 2 (2). 2007. С. 79–99.

58. Чураков В. С. К проблеме расселения пермских народов в конце I – первой половине II тыс. н. э. // Иднакар. № 1 (3). 2008. С. 4–20.

59. Шубин Р. Е. Бесермяне // Статистический бюллетень. № 4–5. Вятка, 1925. С. 28–33.

60. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S.

61. Uotila T. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne 65. Helsinki, 1933. XVIII + 446 S.

62. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben // Journal de la Société Finno-ougrienne. 11. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S.

63. [Wichmann Y.] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1987. XXIII + 421 S.

L. L. Karpova

Some Features of Phonetic Sintagmatics in the Lower Chepsta Dialect of the Udmurt Language

The article aims to study some phenomena of phonetic syntagmatics in the Lower Chepsta dialect of the Udmurt language. Special attention is paid to those characteristics which are common for the Lower Chepsta dialect, on the one hand, and to phenomena which are of limited use in the investigated subdialects, on the other hand. The study also considers distinctive features in the vowel and consonant systems, analyzes most typical sound changes and processes in the subdialects, and highlights different types of assimilation processes in the vowel and consonant systems, sound elimination, affricatization, voicing, etc. The author also establishes territories where the dialectal modifications of the phonetic syntagmatics are widespread. Language phenomena of the Lower Chepsta subdialects are compared with analogous phenomena of the Northern Udmurt dialects and other subdialects. The obtained results show that according to main phonetic features the Lower Chepsta dialect is more similar to the Middle Chepsta subdialects of the Northern Udmurt dialect.

Keywords: Udmurt language, dialectal phonetics, Northern dialects, Lower Chepsta dialect, phonetic sintagmatics, dialectal modifications.

Карпова Людмила Леонидовна,

доктор философии по специальности «Уральские языки»,
старший научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: karpovalud@rambler.ru

Karpova Ludmila Leonidovna,

PhD: Uralic languages, Senior Research Associate,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: karpovalud@rambler.ru